

SMART-КУЛЬТУРА: ГЕНЕЗИС

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-38-45>

Е. Г. Тихомирова

Московский финансово-юридический университет,
Москва, Российская Федерация
e-mail: katiaphilos@mail.ru

Аннотация: Covid-19 и СВО ускорили процессы формирования ценностей, норм и культурных смыслов становящейся формы бытия – smart-культуры. В этой статье автор анализирует историю генезиса, условия и факторы, меняющие онтологические основания культуры и ее субъекта. На основе исследования лакун smart-пространства (экономической, политической, профессиональной, творческой, досуговой) автор дает определение сущности новой формы культуры. Автор также предлагает определение smart-пространства. Процессы и феномены smart-пространства рассматриваются в разрезе влияния актуальных проблем – пандемии covid-19 и острых политических противоречий. Смыслы, репрезентируемые этими феноменами, выступают специфическими характеристиками формирующейся smart-культуры. В статье проведен анализ сущности smart-толпы как субъекта новой формы культуры. Дано определение и классификация основных групп этого феномена. Автор проводит экспликацию сущности субъекта smart-культуры через анализ изменений в системе смысложизненных координат. Структура мировоззренческой рефлексии smart-толпы как субъекта культуры опосредована следующим обстоятельством: в систему отношений человека к миру, другому и самому себе теперь встроено «умное» устройство смартфон.

Ключевые слова: культура, форма культуры, smart-толпа, smart-культура, smart-пространство, smart-субъект.

Для цитирования: Тихомирова Е. Г. Smart-культура: генезис // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №4 (114). С. 38–45. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-38-45>

SMART CULTURE: GENESIS

Ekaterina G. Tikhomirova

Moscow Finance and Law University,
Moscow, Russian Federation
e-mail: katiaphilos@mail.ru

ТИХОМИРОВА ЕКАТЕРИНА ГРИГОРЬЕВНА – доктор философских наук, доцент, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин МИТУ-МАСИ Московского финансово-юридического университета

TIKHOMIROVA EKATERINA GRIGORIEVNA – DSc in Philosophy, Associate Professor, Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Moscow University of Finance and Law

© Тихомирова Е. Г., 2023

Abstract: Covid-19 and SMO accelerated the processes of formation of values, norms and cultural meanings of the emerging form of being – smart culture. In this article, the author analyzes the origins of genesis, conditions and factors that change the ontological foundations of culture and its subject. Based on the study of the gaps in the smart space (economic, political, professional, creative, leisure), the author defines the essence of a new form of culture. The author also offers a definition of smart space. The processes and phenomena of the smart space are considered in the context of the impact of current problems – the covid-19 pandemic and acute political contradictions. The meanings represented by these phenomena are specific characteristics of the emerging smart culture. The article analyzes the essence of the smart crowd as a subject of a new form of culture. The definition and classification of the main groups of this phenomenon is given. The author explicates the essence of the subject of smart culture through the analysis of changes in the system of life-meaning coordinates. The structure of the ideological reflection of the smart crowd as a subject of culture is mediated by the following circumstance: a smart device smartphone is now built into the system of relations – a person to the world, the Other and himself.

Keywords: culture, form of culture, smart crowd, smart culture, smart space, smart subject.

For citation: Tikhomirova E. G. Smart culture: genesis. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 4 (114), pp. 38–45. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-38-45>

Идея данного исследования родилась во время работы над другой темой – темой маски. Одной из сфер, в которых проводился анализ формируемых человеком проекций Я, стали социальные сети. Со временем этот, казавшийся проходным, сюжет перерос сам себя вместе с глобальными изменениями тела культуры, привнесенными в него массовым распространением «умных» устройств. Художественно-литературные, кино-прогнозы и прогнозы философов-футурологов XX века о проигрыше человека в противостоянии машин и людей (обезличивании, тотальном контроле) теперь кажутся вполне реальными. И то, о чем пророчески писали К. Ясперс, Ж. Бодрийяр [12; 3], предупреждая о последствиях техницизации социокультурного пространства, актуализировалось, встало в повседневных практиках рядом с каждым из нас.

Форма культуры изменилась, но как оценить происходящее: как разрушение ее или как новое (и лучшее) состояние? Рефлексия smart-культуры только началась, референтная исследовательская база формируется вместе с действительностью. Академическим сообществом представлены работы о некоторых явлениях и феноменах smart-

культуры – о мемах («веселых картинках»), блогинге, лайках и зависимостях. Однако связующая воедино эти структуры культуры и их смыслы понятийная линия еще не проявилась. Мы с вами можем начать совместную рефлексию новой формы культурного бытия и ее субъекта.

Современная культура – эпоха перманентных изменений, связанных с новейшими технологиями. Персональные компьютеры уже считаются «древними», а на их место пришли мобильные «умные» устройства – смартфоны. При помощи этих устройств мы решаем множество задач: устанавливаем распорядок дня, следим за питанием, контролируем занятия спортом, устраиваем быт, делаем покупки, архивируем и транслируем события (фото, видео), занимаемся творчеством, отываем, учимся, работаем.

Многое из перечисленного мы делаем по подсказкам этих «умных» устройств. Подсказки формируют нейросети – большие языковые модели (чат-бот GPT и его аналоги), встроенные в архитектуру программного обеспечения смартфонов, планшетов и пр. Эти модели – искусственные когнитивные агенты – предварительно обучены человеком и способны копировать алгоритмы мысли-

тельных операций, «думать» вместо нас, освобождая драгоценное время.

Благодаря таким возможностям темп жизни неизмеримо возрос: скорость получения решений позволила человеку выполнять вместо нескольких задач – множество. Экономленные при помощи «умных» устройств издержки времени вложены в новое измерение бытия – в smart-пространство.

Изменение темпа жизни повлекло за собой перемены в содержании значений временных затрат: человек сросся с условным смартфоном, поместил в него все имеющиеся смыслы жизни – любовь, прекрасное, знание, труд и отдых. Научное сообщество назвало этот процесс срастания человека и «умной» техники зависимостью [1]. Исследователи выделили ряд «симптомов»: постоянное ношение смартфона в руках, гонка за новыми моделями (как синтез ценности устройства и ценности Я), бесконечные переписки, звонки, просмотры почты, социальных сетей, ожидание одобрения сетевым сообществом («лайки»). Психологи приписали наличие «комплексов» этим «зависимым» от смартфонов людям – неумение общаться вживую, неумение решать проблемы вне «умного» устройства, наличие «тусклой» реальной жизни, одиночество [10]. Проблема зависимости от смартфона, озвученная учеными, нашла подтверждение в словах разработчиков программного обеспечения. Так, Лорен Бритчер, создавший технологию прокрутки новостной ленты, признался, что этот алгоритм аналогичен аппаратам казино («однорукий бандит»), провоцирующим игроманию [8]. Однако проблема вышла за рамки описываемых психологических патологий. Распространение коронавируса в 2020–2022 годах и острые межгосударственные военно-политические конфликты 2022 года сблизили человека с «умными» устройствами максимально, сделав их окном в мир. Люди обрели не столько зависимости, сколько изменившуюся реальность, особое состояние социокультурного пространства и себя в нем. Но является ли оно болезнью культуры или это ее новая форма?

Мировоззренческая рефлексия и smart-культура. Жизнедеятельность теперь не мыслится без «умных» устройств связи. Социокультурное пространство вслед за развитием техники и технологий стало тотальным smart-пространством, макрокосмом «в кармане», абсолютно измеряющим онтологическими категориями времени, сущности, формы и содержания, единого и многого, меры, качества и количества. Так, smart-пространство – специфическая форма бытия, данная через отношение «я – smart-устройство» в сложном единстве существующих в нем норм и ценностей, естественных и искусственных языков, порядков и объектов. Познающий субъект, «микрокосм», мыслящий эту новую форму бытия и себя в ней, породил новые продукты фундаментального вопрошания.

Особенностью рефлексирования отношений субъекта к «умному» пространству, Другому и Я стало то, что человек оказался заброшен одновременно во все формы осмыслиения; в smart-пространстве они смешаны, наслоены друг на друга: кто-то творит мифологии, иные творят культуры и «богов», третьи конструируют рациональные структуры. И все эти мыслимые сюжеты складываются вокруг фундаментальных, вечных, касающихся универсума, Другого и Я. В рамках этой эклектичной рефлексии рождается smart-культура.

Что есть сущность и специфика smart-культуры? Под культурой вообще мы понимаем систему форм и видов деятельности по созданию образцов, правил и объектов, необходимых субъекту для творения гуманистического пространства. Гуманистическое пространство – совершенствуемое в ходе рефлексии и при помощи усилий человека единство внутреннего и внешнего мира. Smart-технологии определяют характер фундаментальной мировоззренческой рефлексии (отношений Я-Мир, Я-Другой, Я-Я) и специфику рефлексии самого smart-пространства, в котором между миром и человеком стоит смартфон [9]. Результатом этой рефлексии

выступает smart-культура и ее продукты. Так, smart-культура – специфическая деятельностная система, в которой создание, распространение и сохранение культурных продуктов (идей, норм, ценностей, феноменов, стандартов поведения и пр.), необходимых для единства внутреннего и внешнего пространства, человек осуществляет с помощью smart-технологий.

Характер smart-культуры, определенный техническими условиями (наличием устройств и включенности в сеть интернет), вызывает сомнения в «человечности» smart-пространства. Не совершается ли ошибка при выходе на этот путь? Не ведет ли он к потере личного, индивидуального, творческого и «humanus» начал в новой культуре?

Smart-культура: профессиональные практики. В новой форме бытия культуры представлены процессы, явления и феномены как специализированных, так и текущих практик человека. Одни родились в smart-пространстве, другие начали переход вместе с появлением «умных» устройств. Невозможно представить себе профессиональную коммуникацию, обмен результатами, опытными данными без «умных» устройств.

Специфика становления smart-культуры для научной сферы проявилась в том, что многие исследования – опросы, наблюдения, эксперименты – проводятся при помощи смартфонов [5] и других «умных» устройств. Их технические характеристики позволяют подключаться к оборудованию (станкам, телескопам, микроскопам, видеокамерам, датчикам, турбинам), анализировать опытный материал в режиме безграничного времени (по желанию все время можно сделать рабочим!).

Период пандемии covid-19 показал особую важность цифрового взаимодействия для сообщества ученых и студентов. Ограничения на общение лицом к лицу были преодолены в кратчайшие сроки: через месяц после введения первого карантина во многих странах обучение и запланированные конференции, симпозиумы прошли в «удаленном» формате и находились в totally-

дистанционном режиме два года. Те исследователи, реальные передвижения которых ранее были затруднены по другим обстоятельствам, смогли принять участие в научных мероприятиях благодаря распространенности «умных» устройств и «дистанционке».

В социуме до сих пор не существует единого мнения о ценности удаленной учебы и работы. Некоторым «дистанционка» позволила экономить время и деньги на передвижение к месту выполнения профессиональных обязанностей. Иные остались категорическими противниками экранного взаимодействия (эмоционального и показательного). Этот спор в нашей стране сейчас обрел особые оттенки смыслов в связи с санкционным давлением: ограничения послужили установке границ между нашими и зарубежными учеными [11]. То, что не смог сделать covid – прекратить научную коммуникацию, почти удалось сделать техническими и экономическими рестрикциями. Более того, мы все оказались свидетелями формирования нового, «санкционного» этикета и этической культуры.

Отдельного обсуждения заслуживает сюжет о трансформациях образования в smart-пространстве. Благодаря «умным» устройствам, открылись глобальные каналы связи между преподавательским и студенческим сообществом на университетских уровнях, стали возможными международные научно-исследовательские проекты, коллaborации. Но базовый образовательный процесс перевести в smart-пространство качественно не вышло: учителя, преподаватели вузов, обучающиеся столкнулись со сложностями – разрозненностью платформ, скоростью передачи данных, ограниченностью серверов и даже с психологическими препятствиями. Комфортно чувствовали себя не все: участникам дистанционного обучения приходилось применять больше усилий для считывания паралингвистической информации – выражения лица, тембра голоса, скорости речи.

Преподаватели и обучающиеся, не ощущая присутствия друг друга, перестали по-

лучать эмоционально-чувственное удовлетворение от труда. Так сращивание человека и «умных» устройств в профессиях, служащих экзистенции, формированию смыслов жизни, усугубило тенденцию дегуманизации (о чем пророчески предупреждал Ясперс [12]).

Распространение «умных» устройств повлияло и на *экономическую сферу*. Работа финансовых и правовых институтов многих стран ушла в smart-пространство: расчеты, обмен данными, ресурсами стали происходить без личного присутствия. В повседневной жизни люди получили в качестве феномена smart-культуры банковские приложения, обеспечивающие доступ к данным, возможность работать со счетами, оплачивать налоги, продукты и услуги. Только санкции, направленные против банковской системы РФ, притормозили этот процесс для всех участников экономической сферы.

Безналичный способ оплаты товаров – без ощущения денег в руке – обнажил одну из граней мировой проблемы – бесконтрольного потребления ресурсов. Иллюзия легкости покупок привела к экспансивному росту потребления, оно стало бездумным. Для того, чтобы купить что-то, не надо утруждаться [4]. С одной стороны, свобода доступа к товарам и услугам побудила производства к развитию, а с другой – обострила катастрофичные экологические последствия (проблемы утилизации отходов, рост свалок и проч.).

До сегодняшнего дня экономическая сфера казалась наиболее ярким выражением сущности идей мультикультурализма и глобализации в smart-пространстве – финансовые границы практически отсутствовали. Однако политическая ситуация 2022 года показала иллюзорность свободы и безграничности: проблемы обнаружились не только в качестве «умных» инструментов или их помехозащищенности, сколько в самой идее глобализации. В международном плавильном котле не свершился синтез мировоззрений и культур. Отрицание разницы национальных смысложизненных координат привело к дестабилизации все-

го smart-пространства, и если не отменило общечеловеческие экономические свободы, то отодвинуло возможность обладания ими на неопределенный срок. В систему smart-культуры вместе с санкциями 2022 года вошла *политика*.

Эта сфера деятельности подверглась наибольшей трансформации в современный период. Попытки государств регулировать взаимоотношения в ней пока не имеют успеха: законы, призванные пресекать политические противоречия, не работают в силу технических особенностей smart-пространства. Вся информация, выложенная в сеть, даже при наложении цензурных запретов, оставляет следы. Кроме того, фактором, препятствующим действию законов, является стихийность распространения информации: в smart-пространстве пока еще действует толпа, а не мыслящие субъекты.

Люди приходят в сообщества поглазеть, бросить критичный комментарий, зачастую – оскорбить оппонентов, зло посмеяться. Возрастная категория таких политических «наблюдателей» – подростки [6] и молодые люди, примерно, до 30 лет. Категория 40 лет и старше – малочисленна и высказывает свои политические суждения редко. Так, в smart-пространстве действует smart-толпа – стихийная группа людей, объединенная случайными связями; она не общество, структурированное, организованное общими целями. Они считают себя особенными только потому, что имеют доступ к информации (особенно авторитетным ресурсом среди них считается Википедия¹) и право высказывания.

Новые люди в новом пространстве: smart-толпа. Появление «умной» толпы, безликого, вооруженного техникой человечества, предвещали многие философы – К. Ясперс, Х. Ортега-и-Гассет, Ж. Бодрийяр, Г. Рейнгольд. Г. Лебон, например, писал о свойствах этой массы – о нетерпимости,

¹ Соучредитель Википедии Л. Сэнгер признал предвзятость и проблемность своего проекта (Эл. ресурс <https://iarex.ru/news/75417.html> Дата обращения 05.11.2022)

внушаемости, импульсивности [7]. Ясперс назвал толпу «единством несвязности» и указал на ее главное качество: отсутствие осознанного взаимодействия [12]. Бодрийяр, отыскивая суть «молчаливого большинства», маркировал его фальшь, симулирование социального и человеческого [2].

Действия явившейся в XXI веке массы осуществляются бессознательно-стихийно, а не ради совершенствования человеческого; ее эволюция только началась. Что делает нынешняя толпа в smart-пространстве? Регулирует на информационные раздражители (посты, комментарии, иллюстрации, аудио, видео), вирусно распространяя их. Источником мем-вирусов [3] становится любая единица информации.

Дифференцировать умную толпу можно по ее «именам» – сленговым лексемам, которыми обозначают себя эти обитатели smart-пространства: «кремлебот», «либераха», «придж» (юные комментаторы, аналог более архаичной «школоты») и т. п. Политический кризис 2022 года породил еще две – «диванных аналитиков» и «военных стратегов». Появление этих лексем (и соответствующих им групп людей) вне smart-пространства невозможно представить: комментаторы находятся не в окопах, работая военкорами, а дома – со смартфонами в руках.

Снятое и записанное становится максимально публичным. Кулундные действия МИДов и оборонных ведомств остались в далеком прошлом: все «вскрыто», зафиксировано, доработано и слито в сеть. Эти материалы активно распространяют и комментируют в социальных сообществах. «Диванные аналитики» пытаются выстроить логику событий и предложить решение проблемы. При этом мало кто из них, назначая себя экспертом, понимает сущность комментируемых событий.

Российско-украинский кризис предстал в яростном противостоянии smart-толпы. В ее отечественном сегменте сформировались три группы комментаторских реакций: поддерживающие внешнюю политику стра-

ны, отрицающие и молчание. Радикально настроенные (поддерживающие и отрицающие) вступают в споры с противником, применяя ненормативную лексику, мемы (так называемые «боевые картинки» – иллюстрации обсценного содержания), шок-контент (иллюстрации и видео со сценами убийств и насилия), аудио-контент. В ход идут ложные фото- и видео-изображения – обработанные, трансформированные под нужный участникам дискурс.

Третья – молчавшая группа – люди, скучно использующие публичность smart-пространства. Их число, разграничающих личное и публичное, значительно возросло. Эта часть аудитории укрепляет границы между внутренним и внешним миром, не высказывая мнений о происходящем. Максимумом реакции станет одобрительный лайк. Молчаливая экономия на самом деле является стратегией, распространяющей скучность не только на слова, но и на эмоции.

«Эксперты» и «профессионалы». Свободный и моментальный доступ к информации стал причиной появления еще одного элемента smart-толпы – «экспертов» политики, экономики, науки, искусства, межличностных отношений, религии и спорта. «Экспертные» мнения встречаются теперь под любой публикацией и высказанным в сети мнением.

Так, появились «журналистующие» – люди, подающие и толкующие информацию по собственной инициативе. Изобилие каналов блогеров привело к проблеме обесценивания профессионального знания и опыта: толпа стала информационным «экспертом», а автор-исследователь умер. Каждый теперь может дать репортаж с места событий с фото и видео, каждый может высказать мнение о событии, каждый может истолковать контекст. С одной стороны, это дало свободу и безграничность слова, с другой – нивелировало ценность и качество его смысла.

В толпе растворились не только журналисты, но и писатели. Ранее вне smart-пространства мастер художественного слова

проходил сложный путь от замысла, создания рукописи, работы с редакторами, издателями к конечному продукту своего труда – книге. Эти тернии исчезли: у любого есть возможность выложить на всеобщее обозрение «прозу» и «поэзию». Smart-пространство пополнилось тысячами «великих» писателей-новеллистов – мопассанами, саган, пишущими «рассказы» о предательстве, любви, воспитании или путешествиях. Клиповость, калейдоскопичность «малобуквенных» текстов пресытила толпу, а писатель-личность исчез.

Такая же беда безликости и «псевдоэкспертины» настигла музыкантов, художников, дизайнеров. Предоставленные программистами и инженерами человеку приложения к базовым программам смартфонов, с одной стороны, расширили границы творчества, с другой стороны – сузили: в день публикуются миллионы фотографий, музыкальных записей, коллажей, рисунков, проектов. Среди всех этих продуктов адресатам творческих актов сложно отыскать то, что может быть профессионально ценно. Само понятие художественной ценности оказалось размытым: прежние шкалы престали действовать, а новые не прояснились.

В smart-пространстве появилась толпа «творцов» и «публика», исключившие личное из своих интересов: настоящий человек, с переживаниями, драмой перестал быть нужен создателям мемов, блогерам и интернет-себорити.

В smart-пространстве теперь нет ресурса для производства качественных смыслов; чем больше качества и смыслов, тем меньше спрос. Критика без смыслов, перепроизводство смыслов погасили запросы на них. Из-за этого в smart-пространстве проявилось ощущение потери истины. Этот кризис стал глобальным мировым кризисом доверия. Так, из псевдомнений и псевдоэкспертиз возникла ткань фикций культурных смыслов с неразборчивым рисунком.

Новая надежда. В smart-культуре получила развитие досуговая сфера. Появляются

видео-руководства по кулинарии, авторские мастер-классы по рыбалке, прямые эфиры по садоводству, рукоделию, шитью. Через смартфон можно получить инструкции обо всем, включая материнство, отцовство, партнерские взаимоотношения, починку забора, изготовление варенья и оказание первой медицинской помощи. Может быть, здесь и находится мера человеческого? Нет, smart-толпа пока играет в гуманизм, ставя в качестве основной цели не совершенствование человеческого, а публичность и монетизацию красиво снятых на камеру «семейных ценностей».

До режимов «самоизоляции» и экономических санкций – актуальных экзистенциальных потрясений – система культурных доминант находилась в инерции, размываясь ad marginem играющей «умными» устройствами толпой. Нормы и принципы «бессмартфонных» поколений отодвигались в сторону и, порой, жестоко высмеивались. Однако Covid-19 (2020–2022 годы) и СВО дали резкий старт коренным изменениям уже не только для «умных» техники и технологий, но для всего бытия культуры.

Человек теперь не простой «пользователь» цифровых устройств. Он субъект smart-культуры, инициатор формирования иной – «умной» – картины мира и других жизненных смыслов, создающий новые ценности и нормы бытия в правовом, политическом, экономическом, эстетическом и этическом измерениях.

Итак, творение «души» и «тела» smart-культуры переживает генезис. Мы включены в него и как исследователи (научное сообщество), и как непосредственные участники. Как ученые, мы ищем детали, составляющие архитектуру smart-культуры – ее сущность и многообразные феномены. Будучи участниками, совершенствуем быт, коммуникативные, профессиональные и другие практики. Качество исполнения этих ролей зависит от осознания ответственности за перспективы взаимодействия субъекта и техники: понимающего человека «умные» устройства поведут вперед, а непонимающего – потащат.

Список литературы

1. Алтер А. Не оторваться! Почему наш мозг любит все новое и так ли это хорошо в эпоху Интернета. / пер. с англ. Т. О. Новиковой. Москва: Эксмо, 2019. 352 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. / пер. с фр. Н. В. Суслова. Екатеринбург: Editions DENOEL, 2000. 96 с.
3. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. / пер. с англ. Л.Афанасьевой. Москва: Поколение, 2006. 304 с.
4. Бузмакова М. В. Неконтролируемое потребление как следствие увеличения нормы свободного времени. // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15, выпуск 5. С. 992–998.
5. Кед А. П., Агеева П. М. Интернет-опрос как метод социологического исследования. // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2015. № 27, С. 112–116.
6. Кибербуллинг: масштаб проблем в России. Аналитический обзор. [Электронный ресурс]. // ВЦИ-ОМ. 06.07.2021: URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kiberbulling-masshtab-problemy-v-rossii>
7. Лебон Г. Психология народов и масс. / пер. с фр. А. Фридмана и Э. Пименовой. Москва: Социум, 2016. 384 с.
8. Наш мозг не может оторваться от гаджетов – И это не просто случайность. [Электронный ресурс]. // Border. 13.01.2022 URL: <https://jborder.ru/stati/nash-mozg-ne-mozhet-otorvatsya-ot-gadzhetov-i-eto-ne-prosto-sluchajnost/>
9. Тихомирова Е. Г. Идея маски и ее смыслы в культуре Новейшего времени. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского государственного строительного университета, 2014. 191 с.
10. Шейнов В. П. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 4. С. 120–127.
11. Шугуров М. В., Серебряков А. А., Печатнов Ю. В. Международное научно-исследовательское сотрудничество России в условиях масштабирования санкций: характеристика институциональных взрывов. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. Выпуск 4–3 (67). С. 235–242.
12. Ясперс К. Смысл и назначение истории. / пер. с нем. М.Левина. Москва: Политиздат, 1991. 527 с.

*

Поступила в редакцию 01.08.2023